Два міра, міръ свободы въ Богѣ, и міръ естественной необходимости, пересѣкаются и въ мѣстѣ ихъ пересѣченія получается какая-то ирраціональная арабеска. И, однако, вся тревога стихаетъ, всѣ вопросы умолкаютъ предъ лицемъ этой смиренной, незлобивой святости, которая такъ свѣтитъ чрезъ даль вѣковъ и радуетъ душу нездѣшней радостью. Вся эта внѣшняя аскеза христіанскаго подвижничества: уходъ изъ дома, жизнь въ пустынѣ, столпничество, юродство, молчальничество, затворъ и другія формы аскетизма, которыми такъ богато оно, все это только *методъ* освобожденія отъ міра, избираемый каждымъ соотвѣтственно своей индивидуальности. Цѣль же одна: ощутить свою свободу отъ желѣзной необходимости или естественныхъ законовъ и въ этой свободѣ познать Бога, достигнуть простоты души и чистоты сердца, чтобы оно открылось воздѣйствію божественной благодати. Если не обращать вниманія на цѣль и содержаніе подвига, а видѣть только его методъ, тогда можно при желаніи отожествлять напр. буддійское или браминское монашество и христіанское, или же христіанское подвижничество и іогизмъ. Но существенно именно содержаніе, и въ этомъ смыслѣ христіанскій аскетизмъ, вырастающій лишь на почвѣ жизни въ Церкви съ ея благодатными дарами, есть явленіе sui generis, отличается отъ всѣхъ другихъ видовъ аскетизма.

Духъ, осознавшій свою свободу, вырвавшійся изъ когтей необходимости, по новому узнаетъ и любитъ міръ, онъ предстаетъ предъ нимъ въ своей первозданной красотѣ, какъ игра божественныхъ силъ, какъ гармонія идеальнаго космоса, какъ прославленная тварь, словомъ, онъ познаетъ міръ въ Богѣ. И онъ любитъ этотъ міръ новой, просвѣтленной любовью, и той же любовью въ Богѣ онъ любитъ и человѣка. „Заповѣдь *новую* даю вамъ: да любите другъ друга“. Но развѣ это новая заповѣдь? Развѣ самъ Господь не говорилъ ранѣе, что въ заповѣди о любви къ ближнему, вмѣстѣ съ заповѣдью о любви къ Богу, состоялъ древній законъ и пророки? Но есть, стало быть, новая любовь, которая открылась лишь послѣ того, какъ было сказано Христомъ: „мужайтесь, Я побѣдилъ міръ“.

И не только для этихъ подвижниковъ, подъявшихъ на свои рамена всю тяжесть міровой необходимости ради христіанской свободы, а и для каждаго, живущаго религіозной жизнью, должно быть вѣдомо это чувство свободы отъ необходимости, упокоенія